

Выступления участников дискуссии

ПСИХОТЕРАПИЯ: ТИП СОЦИАЛЬНОСТИ И СЕТЕВОЙ МАРКЕТИНГ

А.Ф. БОНДАРЕНКО

Бондаренко Александр Федорович — заведующий кафедрой психологии Киевского национального лингвистического университета, научный руководитель межуниверситетской лаборатории консультативной психологии, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины, доктор психологических наук. Главный редактор Киевского «Журнала практикующего психолога». Член редколлегии ряда периодических изданий, в том числе «Московского психотерапевтического журнала». Приглашенный профессор Лондонского института психиатрии (Великобритания, 1997) и Лейденского университета, лаборатория аутизма (Нидерланды, 1999). Автор нескольких книг и более сотни статей по проблемам общей, социальной и консультативной психологии.

Контакты: albond@ukrpack.net; www.bondarenko.ws

Резюме

В статье на основании краткого историко-событийного анализа становления современной психотерапии прослеживается ее связь с типом социальности, характеризуется специфика роли психотерапевта и места психотерапии в обществе массового потребления, в порядке дискуссии проблематизируется ряд положений и претензий, относящихся к состоянию и статусу современной психотерапии как таковой, и полемически заостряется акцент на том, что главное противоречие отечественной психотерапии заключается в неот-рефлексированности собственных социокультурных истоков и перспектив.

Пространная и глубокая статья А.И. Сосланда обстоятельно и открыто вводит нас во внутрицеховую проблематику современной психотерапии. И в самом деле, престижность и востребованность, статусность и массовость, популярность и основательность — с одной стороны, озабо-

ченность судьбами общества и готовность служить отдельно взятой единственной и неповторимой личности — с другой, а еще профетичность и приземленность, многообразие методов и проблематичность эффективности, сходство и с научным сообществом, и с некими сообществами авгуров,

плюс проблема власти, плюс финансовые проблемы профессии,— это ли не действительное лицо или, точнее, личина психотерапии наших дней, так точно и недвусмысленно обрисованная автором полемической статьи?

Да и вопрос, которым заканчивается статья А.И. Сосланда, вовсе не риторический.

На мой взгляд, он самым непосредственным образом побуждает нас, представителей этой профессии, к метадисциплинарной рефлексии, к осмыслению формы и содержания, компетенции и сущности, возможностей и реальностей всамделишного потенциала психотерапии нынешнего времени, как бы широко или узко ни трактовалась сама эта деятельность и эта профессия.

Любой метаанализ в качестве собственного предмета полагает совокупность значений, обобщаемых таким образом, что их внутренняя структура конденсируется и синтезируется до степени, позволяющей упорядочить и упростить исходные многообразные сведения до некоторых основных постулатов. Непременная при этом операция редукции и создает новые концептуальные схемы известного, которые, в свою очередь, позволяют выработать ориентировки, требуемые для разрешения накопившихся противоречий.

В качестве исходного момента для нашего метаанализа воспользуемся принципом историзма (поскольку логика познания развертывается именно в истории) и напомним некоторые события и обстоятельства, относящиеся к становлению психотерапии в историческом плане.

1. Научная психотерапия возникла в XX столетии, хотя в донаучных формах, в частности, в виде религиозного воздействия и как проявление человеческой солидарности, простого утешения она существовала, по-видимому, столько же, сколько существует человек разумный, т. е. примерно 40 000 лет. В донаучные эпохи психотерапия с некоторых пор выделилась в обособленную функцию, закрепленную за фигурой колдуна, жреца, врача. Вероятнее всего, это произошло тогда, когда жрец совмещал руководство отправлением и духовных, и лечебных потребностей.

2. Начиная с эпохи Просвещения, преодолевшей средневековое христианство и окончательно разделившей науку и религию и, следовательно, фигуры лекаря и священника, психотерапия вначале благодаря Ф. Пинелю, затем Ф. Мессмеру, а позднее Ж. Шарко и П. Жанэ стала осваивать собственно научные, т. е. верифицируемые, способы деятельности, отталкиваясь при этом, возможно, от психотерапевтических постулатов еще Парацельса, но ища умопостижимые причины душевных болезней и способы их лечения.

3. Преодоление витализма и утверждение принципа гомеостаза к концу XIX – началу XX в. вместе с открытиями микробиологии и бактериологии, описанием интегративной деятельности мозга Ч. Шеррингтоном, механизмов нервной деятельности И.П. Павловым и А.А. Ухтомским, возникновением германской психиатрической школы (Э. Крепелин, К. Вернике, К. Кальбаум) создало предпосылки для детерминистского объяснения психики и выдвижения

детерминистских теорий ее лечения на основании методов психодинамической парадигмы (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер) и бихевиоризма (Дж. Уотсон, М. Джонс, В.М. Бехтерев), которые и стали первыми научными теориями психотерапии XX в.

4. Среди этих парадигм психоанализу, несомненно, принадлежало первенство как по популярности, так и по его влиянию на культуру своего времени. Само появление психоанализа не столько как метода, сколько как культурно-исторического явления во многом было обусловлено господством специфического социального лицемерия той эпохи, которое, по выражению К. Юнга, объясняется тем, «что в викторианскую эпоху культурные ценности использовались для подтасовки картины мира в соответствии с буржуазными представлениями» (Юнг, 1992, с. 57). Психоаналитическое же течение явилось выражением «неприятия новым веком своего предшественника, века девятнадцатого, с его склонностью к иллюзиям и лицемерию, с его полуправдами и фальшью... с его пошлой моралью и надуманной пошлой религиозностью...» (там же, с. 58). Как К. Маркс попытался вскрыть зависимость формирования общественных идеологий исходя из места той или иной общественной группы людей в системе производственных отношений, так З. Фрейд предпринял попытку объяснить содержание индивидуального сознания влиянием конкретных изначальных обстоятельств жизни данного индивида.

5. Первая, а затем и Вторая Мировые войны, по словам известного

польского психотерапевта А. Кемпински, не только довершили дело разрушения социального лицемерия (см.: Кемпински, 1992, с. 311), но и создали принципиально новую, небывалую ранее планетарную ситуацию — и геополитическую, и социально-экономическую, и культурно-историческую. Общим социальным знаменателем этой ситуации явились следующие обстоятельства. В то время как ведущие западноевропейские страны, Россия и Япония были к 1945 г. разгромлены и опустошены, количество погибших там исчислялось в пропорциях, соизмеримых с популяцией в целом, а уровень финансовых потерь описывался астрономическими цифрами, самое сильное государство на земном шаре, а именно США, не только практически не пострадало в этих войнах, а наоборот, впервые в истории человечества смогло аккумулировать невиданные интеллектуальные, финансовые и, как следствие этого, технологические ресурсы человечества. В итоге уже к началу 50-х годов XX в. в этой стране впервые в мире была решена жилищная проблема, так как практически все население было обеспечено предоставляемым в кредит быстро строящимся блочным жильем (пресловутые гипсокартонные дома) и едой (fast food, ставшей притчей во языцех, признаком американского way of life). Если к жилью и еде добавить автомобилизацию всей страны, невероятный рост предприятий сферы обслуживания (от гостиниц и театров до бесчисленных ресторанов и массажных салонов), а также массовое внедрение бытовой техники, становится понятным дальнейшее — возникно-

вание в США **общества массового потребления**¹.

6. Еще в ранних рукописях К. Маркса и Ф. Энгельса пророчески был предвосхищен этот тип социальности, описываемый следующим образом: «Личная независимость, основанная на вещной зависимости, — такова вторая крупная форма (общества. — А.Б.), при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций» (Маркс, Энгельс, 1968, с. 101). Безудержная и тотальная **зависимость** от вещей, существование вещей в качестве продукта **массового производства**, т. е. анонимных серийных изделий, **доступность** этих вещей **через приобретение**, т. е. покупку, наконец, бесконечный **круговорот вещей как символов, означающих** твое существование в мире (вещей же!), **превращение коммерческих отношений в личные** и наоборот — вот сущность общества массового потребления (см.: Бодрияр, 1999).

7. Возникновение, как это ни прискорбно звучит, за счет разграбленных и обобранных стран такого суперизобилия, как и следовало ожидать, не только не отменило исконных человеческих проблем — проблем со здоровьем, в частности психическим, проблем в межлич-

ностных, семейных отношениях, просто внутриличностных проблем, а наоборот, выпятило их, поскольку бедность не оставляет человеку роскоши предаваться психологическим терзаниям, в то время как материальное изобилие создает собственно психологическое пространство личностного существования.

Более того, именно это общество, общество массового потребления, общество корпоративной и частной собственности немногих на весь окружающий мир (частная собственность на землю, на предприятия, на водоемы), создает чрезвычайно интенсивные и специфические переживания, хорошо описанные в литературе: страх срока платежей, страх внезапного увольнения и возможности лишиться всего, что потребляешь в кредит; страх быть самим собой, отказавшись подчиняться всеобщей логике потребления; широкое распространение неподлинного поведения, регрессия к инфантильному, аддиктивному, сугубо ролевому проживанию жизни либо к иным видам манипулятивного поведения и в итоге к суициду (см.: Бодрияр, 1999; Мамардашвили и др., 1972; Фромм, 1990; Ясперс, 1991). Иными словами, всю гамму переживаний, индуцированных всеобщим, самодовлеющим, пронизывающим социальную ткань жизни **отчуждением человека от мира**².

¹Существеннейшим моментом при этом выступает то, что США превратили в своих должников вначале разгромленную Германию, затем всю Западную Европу, а позже практически весь оставшийся мир. Возможность вести жизнь ростовщика создала условия для невиданного перераспределения планетарных богатств и появления вначале идеи, а затем и данности, получивших название «золотого миллиарда».

²Путешествуя на автомобиле по Англии, я неоднократно ловил себя на неприятных переживаниях, связанных с невозможностью остановиться на обочине (обочины нет) и просто прогуг-

Но вернемся к психотерапии. В чем же заключался «наш ответ Чемберлену»? Поскольку после Второй Мировой войны цвет психотерапевтов сосредоточился в США, а сытая жизнь создала богатейшее пространство для деятельности, психотерапевты не заставили себя ждать. Их активность привела, **во-первых**, к небывалому росту числа таких специалистов³, **во-вторых**, к повсеместному распространению разнообразных подходов и направлений психотерапии: от весьма дорогостоящих (психоанализ) до откровенного коммерческого ширпотреба (типа тренинга сензитивности, транзактного анализа и т. п.).

В-третьих, широкое распространение получило так называемое антипсихиатрическое движение, в русле которого К. Роджерс, заменив термин «пациент» (страждущий) на термин «клиент» (заказчик), окончательно инсталлировал в массовое сознание психотерапию как **одну из услуг** наряду с другими, что наилучшим образом соответствует психологии и идеологии общества массового потребления. И в самом деле, приравнивание услуг психотерапии к услугам парикмахера или косметического хирурга убивало сразу двух зайцев — спасало самооценку и повышало покупательский спрос на психотерапию. Тем самым психотерапия в том виде, в котором она сложилась во второй половине XX в.,

стала формой обслуживания сытых и богатых и, насколько я понимаю, таковой и пребывает.

Но что же оставалось бедным? Одним из первых весьма обстоятельный ответ на этот вопрос в теоретическом аспекте дал известный бразильский психоаналитик Норберто Кеппе. Сын немца и бразильянки, получивший психоаналитическое образование в послевоенной Германии и попытавшийся практиковать психоанализ в Бразилии, он обнаружил, что у местных пациентов нет, собственно говоря, личностных проблем. Все их переживания суть не что иное как интериоризованные социальные конфликты, т. е. люди страдают не столько от собственной невротичности, сколько от межличностных конфликтов на почве нехватки денег, ревности, злоупотребления алкоголем, угрозы или реальной безработицы и т. п. (см.: Керре, 1992). Витимизированное социальной нищетой и бесправием население испытывает нужду не столько в психотерапии, сколько в регрессивном религиозном или псевдорелигиозном вспомоществовании или, по крайней мере, в психиатрии, так как психических болезней не отменял никто (см.: Танселла и др., 1998).

Этот беглый обзор внешней, событийной канвы становления и самоопределения психотерапии позволяет вплотную подойти к главному вопросу нашей полемики.

ляться, — дорогу отделяет проволока «частная собственность». В Лондоне в центре города можно видеть надписи: «Сквер — частная собственность. Не заходить». В США до 75% территории страны находится в частном владении.

³Насколько мне известно, в настоящее время в США насчитывается около 500 000 психологов и психотерапевтов, не считая психиатров.

Каково же реальное место психотерапевта и психотерапии в современном мире? С учетом вышеизложенных тезисов место это мне представляется таковым.

Психотерапия как особая сфера деятельности является несомненной привилегией богатых — как стран, так и людей. Бедным остаются различные виды эрзац-терапии: религиозные секты, хилерство, ведовство. И традиционная врачебная помощь со стороны психиатров и наркологов.

В буржуазном («общечеловеческом») социуме общественная функция психотерапевта как фигуры, эксперта в искусстве личной жизни, предстающей на экране ТВ или на страницах гламурных журналов, примерно такова, какова роль штатного астролога. Это функция олицетворения мифа. В нашем случае — мифа психотерапии, эксплуатирующего рецептивную ориентацию массового потребителя (классика по Э. Фромму). При этом психотерапевт олицетворяет собой фигуру толкователя психологических тайн, его заявленная миссия — интерпретация реальных жизненных событий и отношений посредством некоего условного псевдонаучного волапока, заимствованного, как правило, из психоаналитического лексикона. Подлинная же цель — поддержание конвенциональности приличествующей «хорошему стилю» социальной нормы и обеспечение легкой псевдоинтеллектуальной жвачки, без которой «средний класс» обходиться не может, что подтверждается изданием массовыми тиражами текстов, именуемых коротко и ясно — «чтиво». Более того, власть предрержащие заинтересованы, как никто другой, в повы-

шении престижа психотерапевтов — этих новоявленных глашатаев истины в вопросах человеческих отношений — не в последнюю очередь по причине отвлечения внимания публики от социальных проблем и аморальности устройства общественной жизни.

Поскольку на фоне пошатнувшейся под ударами научного знания традиционной религии сама религиозная потребность, точнее, потребность в утешении у людей никуда не делась, новоявленный душепопечитель, именуемый «психотерапевтом», принял в мегаполисах на себя обширные обязанности, доставшиеся ему по наследству от общинных священников, местных парторгов и деревенских знахарей. Кстати сказать, в тех сообществах, где исконные религии или идеологии весьма сильны, традиционное место душеприказчика вакантным не стало. Немыслимо представить, чтобы правоверный иудей обратился не к раввину, а к психотерапевту, как, впрочем, и воцерковленный православный христианин. Разве что по получении соответствующего благословения. Не только в мусульманской культуре, но и в буддийской Индии, так же как и в коммунистическом Китае, никаких психотерапевтов нет и в ближайшее время не предвидится, поскольку не похоже, чтобы место психотерапевту уступили мулла, гуру или пресловутый парторг. Так что, собственно говоря, психотерапия в том расширительном смысле, который она приобрела во второй половине XX в., является правопреемницей прежде всего протестантского христианства и порожденного им общества с предельно выраженным

эгоцентризмом, индивидуализмом и коммерциализацией.

Отсюда совершенно понятно постоянно ощущаемое вождение психотерапевтов заполучить именно «клиентуру», равно как и обосновать собственную нужность аргументом «от науки», стремясь отыскать этот аргумент в исследованиях, доказывающих эффективность самой психотерапии. При этом происходит очень ловкая подмена понятий. Стремление доказать собственную необходимость, полезность подменяется аргументом «эффективности» в точном соответствии с умонастроением буржуа, который, как точно подметил еще Р. Барт, стремится к «квантификации» качества, апеллируя к «арифметически исчислимым условиям», которые призваны подкрепить реальность мира (см.: Барт, 2000, с. 281).

И еще. Психотерапия — не просто миф, это, к сожалению, прежде всего бизнес. Бизнес весьма разветвленный. Стоит лишь бросить взгляд на его направления, заявленные на любой из конференций по психотерапии, где, по существу, разворачивается традиционная ярмарка услуг и брэндов. Здесь будут представлены и психодрама, и мифодрама, и расстановки по Хэллингеру, и игротехника, и коучинг, и танатотерапия, и контактная импровизация, и даосские практики, не говоря уже о пресловутом НЛП, танцедвигательной терапии и дюжине традиционных направлений. Само собой разумеется, что высшим пилотажем в этом бизнесе

является создание сетей обучающих семинаров в точном соответствии с принципами и законами любого сетевого маркетинга. В этом бизнесе и сами психотерапевты легко делятся на два основных класса. Одни из них зарабатывают на жизнь тем, что обучают недоучившихся коллег разнообразной психотерапевтической экзотике из числа вышеперечисленных техник, даже не задаваясь вопросом о том, пригодна ли она для работы с обычными пациентами, а не психологами-экстремалами. Другие зарабатывают, оказывая услуги «клиентам», т. е. переключая внимание, наводя транс, формируя соответствующие образования, позволяющие если не избавиться от энуреза, то, по крайней мере, им гордиться, или же вырабатывая у клиента «качества настоящего целеустремленного бизнесмена» и прочие социальные рефлексы общества «общечеловеческих ценностей», т. е. общества индивидуалистов-потребителей, где дух поздней протестантской коммерциализации совершенно вытеснил остатки дореформационной этики, не говоря уже об обычной человеческой совести⁴. И в самом деле, нужна ли совесть в обществе, где повсюду установлены видеомониторы, а суд готов в течение нескольких минут разобраться с любой бытовой проблемой, даже с иском о посягательстве на некогда слабый пол посредством нескромного взгляда?

Те же психотерапевты, которые не оказывают «услуги клиентам», а действительно **лечат пациентов**, честно

---

⁴Не потому ли так велики цифры суицида, скажем, в протестантских странах Западной Европы, не говоря уже о распространенности наркомании и алкоголизма?

отрефлексирав пределы своей деятельности в нечетко очерченной области так называемой «малой психиатрии», меньше всего задаются вопросом эффективности самой по себе психотерапии, поскольку отчетливо видят зависимость исхода лечения от постановки диагноза, специфики клинического процесса, правильности назначения фармакологических средств, деонтологически верной позиции врача и психотерапевта, а также банального везения, без чего не обходится ни один процесс выздоровления. Психотерапевтические методы при этом играют роль скорее аккомпанемента, но никак не солируют. Психиатры в этом отношении значительно скромнее. В лучшем случае они предпочитают исследовать эффективность того или иного фармакологического препарата для редуцирования какого-либо симптома, чем рассуждать об эффективности психиатрии вообще.

Каковы же выводы?

Общий мой вывод не совпадает с общим выводом А.И. Сосланда о том, что главное противоречие психотерапии заключается в расхождении между номотетическим и идеографическим подходом. На мой взгляд, основное противоречие современной психотерапии лежит в иной плоскости. Это прежде всего противоречие между коммерческой и некоммерческой психотерапией, т. е. между той, которая занимается «оказанием услуг клиентам», наподобие косметологической хирургии, и той, которая занимается лечением пациентов. Это также противоречие между социокультурными матрицами этики существования психотерапии в совре-

менном коммерциализированном христианском и постхристианском мире и некоммерциализируемой традиционной русской культурой. Противоречие, обусловленное и обостряемое тем фактом, что в своих исторических истоках русская византийская духовная культура есть культура благодати, а не культура закона (см.: Бондаренко, 2001, с. 156–157; Бондаренко, 2005, с. 47–48; Фанталова, 2003). Констатация последнего обстоятельства тем существеннее, что научная или наукоемкая психотерапия и не существует в качестве отдельной практики в нехристианских культурах, где личностное «я» не выделяется в качестве самостоятельной психологически значимой инстанции.

Так что основная проблема отечественной психотерапии состоит в том, чтобы не разрушать искусственным насаждением инокультурных стереотипов, ценностей и мифов естественно-историческую ткань родной культуры, а наоборот, принимая осознанные и в высшей степени деликатные шаги по укреплению достоинства, самосознания и самостояния русского человека, оставшегося без современного душевного и духовного попечительства на вселенских сквозняках глобализации, способствовать обретению им того душевного спокойствия и духовного величия, которое вернуло бы всем нам способность к диалогу с человечеством на равных, к созиданию и отстаиванию не чуждого нам мира русской жизни.

Именно в этом видится мне ответ на вопрос: «Что же нам все-таки делать со всем этим?», поставленный А.И. Сосландом.

Литература

- Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
- Бондаренко А.Ф.* Психологическая помощь: теория и практика. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
- Бондаренко А.Ф.* Понятийный тезаурус этического персонализма как русской традиции в психотерапии // Журнал практикующего психолога. 2005. Вып. 11. С. 39–48.
- Кемпински А.* Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998.
- Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Наука, 1972.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1968. Т. 46. Ч. 1.
- Танселла М., Джироламо де Дж., Сарториус Н.* Аннотированная библиография психиатрической эпидемиологии. Киев: Сфера, 1998.
- Фанталова Е.Б.* «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием // Журнал практикующего психолога. 2003. Вып. 9. С. 9–14.
- Фромм Э.* Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
- Юнг К.* Феномен духа в искусстве и науке // Юнг К.Г. Собр. соч. В 19 т. Т. 15. М.: Ренессанс, 1992.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Керпе N.R.* La socio-pathologie. Une etude de la Pathologie Sociale. Edition Proton. Paris, 1992.